

Диника Деми

Ендырь

Диника Деми Ендырь

<https://litres.ru/73995869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умеет читать твои мысли и знает твою самую заветную мечту.

Александр получил этот дар вместе с синим блокнотом в детстве.

Но за каждое желание нужно платить: он разрушает чужие мечты, чтобы исполнить свои. Теперь он — заместитель губернатора, холодный и расчетливый Алекс Кутс.

Ему осталось загадать последнее желание: бессмертие.

Цена? Жизнь его нерожденного ребенка и отказ от материнства женщины, которая будет носить его ребенка под сердцем.

Но что, если расчетливый «монстр» впервые в жизни влюбляется по-настоящему?

Чем придется платить теперь, когда договор с Ендырем подписан кровью? Найдет ли Алекс третий путь или потеряет все?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Диника Деми Ендырь

Пролог

Стрелка на спидометре показывала сто сорок. Дорога выла под колёсами, как раненый зверь. За окном мелькали фонарные столбы — белые вспышки, один за другим, будто кто-то отсчитывал секунды до конца.

Алекс не управлял машиной. Руль вращался сам. Плавно, уверенно, как будто за ним стоял кто-то, кто давно привык вести чужие руки. Он пытался снизить скорость, но машина не подчинялась.

— Хорошая скорость, — раздалось с заднего сидения. Голос был скрипучим, как ржавые петли. — Я люблю, когда быстро. Страх. О, это самое сладкое чувство человека, оно делает вас такими покладистыми.

Алекс смотрел прямо перед собой. Он не оборачивался. Он знал, кто там. Ендырь.

— Отпусти руль, — глухо сказал Алекс.

— Зачем? — существо засмеялось. — Я так редко управляю машинами. Твоё тело — да, привык. Но железо слушается меня ещё лучше. Оно не сопротивляется. В отличие от тебя.

Алекс дёрнул руль на себя. Никакого эффекта. Баранка даже не дрогнула.

— Перестань, — Ендырь говорил почти ласково. — Сегодня особенный день. Сегодня я получу три души. Ты не хочешь узнать — чьи?

Вдалеке загорелся пешеходный переход. Алекс зажмурился на секунду. Открыл глаза и увидел её. Валерия сегодня должна пойти в больницу.

Она шла через дорогу — медленно, осторожно переставляя ноги. Рука лежала на небольшом животе. В другой руке она держала маленькую больничную сумку. Ее любимый голубой плащ, выбившаяся прядь волос. Валерия шла на сохранение перед родами.

Алекс узнал её за сотню метров. Узнал бы и за тысячу.

— Нет, — срывающимся голосом прошептал он.

— Да, — Ендырь подался вперёд, и в зеркале заднего вида мелькнули жёлтые глаза. — Она. И твой ребёнок в ней. И ты, когда мы врежемся. Три души в одном ударе. Ты даже не представляешь, какую цену мне за это дадут внизу, да я стану сразу вторым помощником, а не просто низшей нечести.

— Отпусти руль!

— Поздно.

Спидометр показывал сто шестьдесят. Пешеходный переход приближался. Валерия подняла голову, увидела летящую на неё машину — и замерла, как кролик перед удавом.

Алекс закричал. Не от страха, а от ярости. Он вцепился

в руль обеими руками — так, что от напряжения его немного потряхивало, но он не замечал. Алекс не пытался повернуть его. Он просто рвал на себя, изо всех сил, которые в нём остались. И руль поддался на полсантиметра, но этого хватило.

Машина вильнула влево, проскочила в метре от застывшей Валерии, перелетела бордюр — и врезалась в старый тополь на скорости, которую не выдерживает ни один двигатель.

Взрыв. Стекло. Металл. Тишина, которая приходит только после грохота.

Алекс лежал на асфальте без сознания. Душа не выходила из тела, она цеплялась за жизнь, за стук сердца, за крики людей. Ендыря рядом не было, Алекс не чувствовал его. Он просто лежал и смотрел в небо, глаза не закрылись. Вокруг суматаха, топот, чьи-то руки, запах бензина и гари.

И вдруг над ним склонилась Валерия. Живая. Бледная, как бумага, с дрожащими губами и расширенными глазами.

— Держись! — кричала она кому-то за спиной. — Вызовите скорую! Сейчас, сейчас, всё будет хорошо...

Она говорила ему. Или себе. Алекс не понял. Он не смог показать ей, что слышит ее, что рад ее спасению. И приложив усилие, он выдохнул:

— Прости меня.

— Молчи, не говорите ничего, — Валерия схватила его за руку. Её пальцы были холодными. — Всё будет хорошо. Он

жив! Скорую, скорее! Любимый, ты спас меня!

Алекс закрыл глаза. Он не свернул. Он просто перестал слушать Ендыря. Впервые в жизни. И когда тьма накрыла его, последнее, что он услышал, был не голос демона. А сирена скорой помощи и её шёпот:

— Держись, пожалуйста, держись...

Глава 1

Смерть бабушки стала для Александра Кутейкина самым большим горем. Нет, сначала пострадал отец. Он работал спасателем — выезжал на обрушения, землетрясения, пожары. На очередном задании его завалило бетонной плитой. Отца спасли, вытащили, выходили. Но бабушкино сердце не выдержало переживаний.

Она тихо уснула в кресле за вязанием. Там её и нашёл Александр. Ему только что исполнилось шесть лет. В руках он держал рисунок — Ендыря с жёлтыми глазами и чёрной взъерошенной шерстью. Бабушка лежала с закрытыми глазами, спицы выпали из рук, недовязанный шарф сполз на пол. — Бабуль? — позвал он.

Она не ответила. Александр потрогал её руку. Холодную. Он не закричал. Не побежал к матери. Просто сел на пол рядом с креслом и положил голову ей на колени. И сидел так, пока мама не вернулась с работы.

День рождения был омрачен. А ещё он пошёл в первый класс, но радости от этого не испытывал. В школе с одноклассниками не задалось.

Его молчаливость и нежелание играть с другими детьми привели к нападкам. Мальчишки дразнили его «тихоней» и «Кутейкин-Соплейкин». Девчонки перешёптывались за спиной. Он приходил домой, желая найти сочувствие родителей,

но мама теперь работала за двоих — отец лежал в больнице, восстанавливался после травмы. Домашние дела тоже ложились на её плечи.

— Мам, меня обижают, — сказал он однажды.

— Потерпи, сынок не обращай внимание, — ответила она, не глядя на него. — Папа скоро поправится, всё наладится.

Отец добивался лечения в санатории, но ему отказали. Родители ссорились, а иногда громко. Александр не хотел слушать эти разговоры, но стены в хрущёвке были тонкими. Он понимал: спокойная жизнь ему теперь будет только сниться.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он рисовал. Но его художества выходили страшными — чёрные существа с пустыми желтыми глазами, длинными пальцами и свалывшейся шерстью.

Мать не сразу обратила внимание на сына. Да и когда ей было? Она приходила с работы, готовила ужин, падала без сил. Родители заметили перемены в сыне не сразу. Первой забила тревогу школьный психолог.

— Кто это? — спросила она, указывая на существ, появившихся из-под его карандаша.

— Ендыри, — ответил Александр, не поднимая глаз. — Они скоро станут правителями страны.

Психолог вызвала родителей. Те пришли уставшие, злые друг на друга. Выслушали, кивали, обещали «заняться».

— Фантазия у ребёнка, — сказала мама по дороге домой. — После смерти бабушки разыгралась.

— Надо было к психологу раньше, — буркнул отец.

— А когда? Ты в больнице лежал, я одна крутилась.

Они снова поссорились. Александр шёл сзади и смотрел на их спины. В какой-то момент он перестал рисовать при всех. Теперь уходил в подвал.

Там пахло сыростью, мышами, а иногда отходами и газом. Сторож дядя Гриша часто забывал закрыть дверь — пил в подсобке, грешил на погоду.

Александр пробирался в дальний угол, где из вентиляционного отверстия падал слабый свет. Там на старом сене среди битых кирпичей, он раскладывал рисунки. И рисовал снова — ендырей с жёлтыми глазами, когтистыми лапами и чёрной взъерошенной шерстью.

Ему казалось, что, нарисовав такое существо, он становится сильнее. Что он может бороться с теми, кто его обижает. Иногда, когда тоска душила и хотелось плакать, он садился в комнате, доставал фотографию, где он с бабушкой — и вспоминал её руки, тёплые, пахнувшие пирожками, как по праздникам они ходили в церковь, и там ему давали конфеты и печенье. Он попросил маму сходить в храм. Та только махнула рукой:

— Некогда, Саша. Потом как-нибудь.

«Потом» не наступало. Слезы катились по щекам, сердце давило камнем в груди. Он каждый раз обещал себе не плакать, но эти злополучные слёзы появлялись так быстро, что он ничего не мог с собой сделать.

— Мама, я хочу кушать, — сказал он однажды, вернувшись из школы.

Мать стояла у плиты, спешно готовила ужин.

— Сейчас, дорогой, сейчас, — ответила она, не глядя на сына, и погладила его белокурую голову. — Ну когда же ты, дорогой, научишься готовить себе хотя бы яичницу? Ведь ты уже совсем большой, осенью в школу пойдёшь уже во второй класс.

— Я уже умею, — возразил Александр и побежал в свою комнату. Он сам научился готовить яичницу, мыть посуду, убираться в комнате. Он мечтал: вот папа поправится — и всё устаканится.

Ближе к осени мама попросила его ходить в магазин — в хлебопекарню, что за рынком. Денег давала ровно на хлеб. Но по дороге он проходил мимо прилавков, где в изобилии лежали конфеты разных форм и вкусов, а рядом горы фруктов и ягод.

Он никогда не мог выкроить средства даже на один полугнилой мандарин. В тот день он шёл за хлебом и мечтал о мандарине.

Запах с прилавка манил так, что во рту собралась слюна. Александр подошёл к лотку с фруктами и поднял серые глаза на продавца. Тот не обращал на него внимания — перебирал яблоки, перетирал их, выкладывал на прилавок.

И вот когда продавец наклонился к ящику, Александр схватил мандарин. И бросился бежать. Он торопился, и, ка-

залось, вот-вот за ним погонится продавец с огромной собакой и схватит за ногу. Но произошло другое. На повороте к дому он запнулся за бетонный выступ и упал. Руку с мандарином вытянул вперёд — опереться не получилось. Ладонь попала на острый кусок металла, торчащий из земли.

Острая боль пронзила тело — от руки до макушки и остановилась в сердце. Плакать не хотелось. Мандарин выкатился из ладони и упал в сточную яму. На левой руке зияла глубокая рана — крови не было, но порез оказался страшным.

Он встал, схватил хлеб и побежал домой. Возле квартиры из раны хлынула кровь. Пол вокруг него покрылся алыми пятнами. Мама открыла дверь и сразу стала звонить в скорую.

В больнице рану зашили. Александр никому не сказал, почему упал. Врач попался плохой — шов получился безобразным. Шрам остался на всю жизнь.

Перед первым сентября во дворе устроили праздник. Ване, мальчишке с соседнего подъезда, родители подарили велосипед с блестящими спицами, зелёной рамой и звончком на руле. Ваня сидел на нём, как король на троне. Вокруг толпились ребята, давали советы, завидовали открыто и скрыто.

Александр не хотел идти во двор. Он обиделся, мама обещала купить пломбир, но так и не принесла, сказала, что деньги не выдали. А мороженое очень хотелось. В надежде, что кто-нибудь из дворовых друзей угостит, он всё же отправился.

Прошёлся среди товарищей и знакомых — ни у кого в руках не увидел мороженого. Вздохнул, сел на лавочку у подъезда и уныло смотрел на Ваню. Тот сиял от счастья. Он-то точно добьётся своей цели, научится кататься на велосипеде в отличие от Александра.

Его серые глаза так пристально следили за счастливым обладателем нового велосипеда, что он даже почувствовал сладость этого желания. Не выдержав, он убежал в подвал.

Сторож опять забыл закрыть дверь. Александр спустился по скрипучим ступеням, прошёл в свой закуток, туда, где из вентиляции лился слабый свет. Сел на сложенные кирпичи у стены, посмотрел на рисунки. Ендыри смотрели на него со смятой бумаги. Радостный визг детей то усиливался, то затихал. И вдруг воздух стал другим. Плотным. Сладковатым.

— Хочешь пломбира в шоколаде?

Александр вздрогнул. Голос был тихим, как в пруду вода в безветренный день. Он поднял голову. Из темноты выступала фигура. Не исчадие ада, как на его рисунках. Ангел. Настоящий — с белыми крыльями, сложенными за спиной, с одеждой, струящейся, как туман. Лицо красивое — не женское и не мужское. То, на которое хочется смотреть вечно. Но что-то было не так.

Глаза ангела горели жёлтым. И мышцы на лице слегка подрагивали, как нервный тик у усталого человека.

— Кто ты? — прошептал Александр.

— Тот, кто может тебе помочь, — ангел улыбнулся. Доб-

рые глаза. Очень добрые. — Ты хочешь пломбир?

Александр кивнул.

— Ты хочешь, чтобы у тебя было всё, чего ты лишён? Еда. Вещи. Уважение. Власть.

Александр снова кивнул. Слова «власть» он не понимал, но чувствовал, как тепло от печки в зимний день. Ангел протянул руку. В ней появился блокнот. Синий, бархатный, тяжёлый и не по-детски взрослый.

— Пиши желания, — сказал ангел. — Они будут исполняться. Но есть одно правило. Каждое желание требует платы. Ты должен разрушить чужую мечту. Забери то, что дорого другому и получишь то, что хочешь ты.

— А это не больно? — спросил Александр.

— Ты не забираешь, — ангел наклонился ближе. От него пахло ландышами. Бабушка любила ландыши. — Ты меняешь. Они всё равно не оценят то, что имеют. А ты ведь оценишь.

Ангел погладил Александра по голове. Рука была тёплой.

— Выполни условие и получишь пломбир.

И ангел исчез. Растворился в воздухе. На стене остались только рисунки — ендыри с жёлтыми глазами смотрели на него со смятой бумаги.

Александр выскочил из подвала. На лавочке у подъезда он открыл блокнот — дрожащей рукой. Страницы светились. Яркими буквами было написано то же самое, что сказал ангел.

Он захлопнул обложку и прижал блокнот к груди. Посмотрел на ребят — они не заметили, как он уходил. Ваня всё ещё крутил педали, падал, вставал, смеялся.

Желание поглотило всё доброе. Тёмная уверенность забрать радость у Ивана, разрасталась в сердце Александра. Мысли бешено метались в голове. На мгновение в глазах вспыхнули красные язычки.

Он встал. Сделал несколько шагов к Ване. Мысленно повторял: «Отдай мне твою мечту. Ты и так счастливый». Возле велосипеда собрались друзья и зеваки. Ваня садился на подарок родителей. Филька поддерживал его и толкал, когда тот трогался с места. Друзья гурьбой бежали следом, визжали от восторга.

В этот раз что-то пошло не так. Ваня сел на железного коня. Филька толкнул. Колесо вывернулось. Ваня упал, потом заплакал и не смог встать на ногу.

У Александра вспотели руки. Мысли улеглись. Внутри, там, в сердце, осталась приятная возбуждённость. Вокруг крик. Дети побежали по домам. Родители Вани спустились во двор. Приехала скорая. Когда всё утихло, вернулся отец Александра.

— Держи, — сказал он, бросая на стол белую картонную коробку. — Зарплату дали. Пломбир в шоколаде, ты любишь, я купил.

Александр развернул обёртку. Мороженое было холодным, сладким, таяло на языке, как обещание. Он съел его

медленно, ложка за ложкой. И всё время смотрел на синий бархатный блокнот, который лежал рядом на стуле. Родители не спросили, откуда он взялся, не заглянул внутрь, будто не видели этот бесценный предмет.

Никто не знал, что этой ночью, лёжа в кровати, Александр снова открыл его и написал второе желание. Ангел сказал, можно всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.